

Дино Буццати

б и б л и о т е к а к л а с с и к и

Дино Буццати

Diно Buzzati'

Татарская пустыня
Загадка Старого Леса

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44
Б94

Серия «Библиотека классики

Dino Buzzati

IL DESERTO DEI TARTARI
IL SEGRETO DEL BOSCO VECCHIO

Published in Italy by Mondadori Libri S.p.A

Перевод с итальянского Ф. Двин («Татарская пустыня»),
О. Поляк («Загадка Старого Леса»)

Серийное оформление и дизайн обложки В. Воронина
В оформлении обложки использован фрагмент картины
Дж. Фаттори «На страже»

Печатается по соглашению с The Italian Literary Agency
и Международным Литературным Агентством ELKOST.

Буццати, Дино.

Б94 Татарская пустыня; Загадка Старого Леса : [романы] / Дино Буццати ; [перевод с итальянского Ф. Двин, О. Поляк]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 416 с. — (Библиотека классики).

ISBN 978-5-17-167977-4

«Татарская пустыня» — шедевр притчевой прозы, оказавший значительное влияние на последующую модернистскую литературу, — своеобразное житие молодого офицера, который всю жизнь провел на далеком форпосте на краю пустыни в ожидании нападения таинственных варварских орд, по смутным слухам живущих по ту ее сторону. История жизни, растроченной в ожидании действия, в надежде и страхе того, что «что-то случится».

Причудливая и изящная «Загадка Старого Леса», с ее легкой и печальной интонацией на первый взгляд относится к жанру литературной сказки для взрослых, однако за незатейливой в сюжетном отношении имитацией народной легенды скрывается глубокая притча о губительности противостояния человека и природы.

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

© Dino Buzzati Estate
© Перевод. Ф. Двин, наследники, 2024
© Перевод. О. Поляк, 2024

ISBN 978-5-17-167977-4 © Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Татарская пустыня

Глава I

Однажды сентябрьским утром только что произведенный в офицеры Джованни Дрого покинул город и направился в крепость Бастиани — к месту своего первого назначения.

Накануне он велел разбудить его пораньше, встал затемно и впервые надел лейтенантскую форму. Покончив с одеванием, он при свете керосиновой лампы оглядел себя в зеркале, но никакой радости вопреки ожиданию не испытал. В доме царил глубокая тишина, лишь из соседней комнаты доносились какие-то шорохи: это мама поднималась с постели, чтобы проститься с ним.

День, о котором он мечтал столько лет, наступил, теперь начиналась настоящая жизнь. Он подумал о тоскливых буднях Военной академии, вспомнил, как обидно было сидеть вечерами на занятиях, прислушиваясь к шуму улицы, где гуляли свободные и, наверно, счастливые люди; вспомнил зимние побудки в выстуженных дортуарах и витавший там неизбывный призрачный наказаний. До чего же нудно тянулись оставшиеся дни, казалось, им и конца не будет.

Наконец-то он офицер, и не надо больше корпеть над книгами и вздрагивать от голоса сержанта, но время ушло. Жизнь, казавшаяся ему такой ненавистой, навсегда канула в прошлое, а ведь она складывалась из месяцев и лет, которых уже не веротишь. Конечно, теперь он офицер, у него заведутся деньги, и красивые женщины, возможно, будут обращать на него внимание, а все-таки — чувствовал Джованни Дрого — лучшие годы, годы ранней юности, уже не вернешь. С такими мыслями Дрого разглядывал в зеркале свое лицо, надеясь найти в нем хоть что-нибудь привлекательное, но видел лишь вымученную улыбку.

До чего все нелепо: ну почему во время прощания с матерью он не смог улыбнуться ей беспечно, как подобает офицеру? Почему пропустил мимо ушей ее последние советы, вобрав в себя лишь звук ее голоса — такой родной, такой теплый? Почему он бестолково и нервно метался по комнате в поисках часов, стека, фуражки, хотя они, как всегда, были на месте? Ведь не на войну же он собирался. Десятки точно таких же, как он, лейтенантов, его товарищи, тоже покидали сейчас отчий кров, но весело, со смехом, словно на праздник собирались. Почему же он, разговаривая с матерью, находил для нее лишь банальные, бессмысленные фразы вместо ласковых, ободряющих? Горечь первого расставания со старым домом, где его появление на свет связывалось с самыми добрыми надеждами, обычные страхи, порождаемые любыми переменами в жизни, волнение от прощания с матерью переполняли его душу, но сильнее всего была странная,

неотвязная мысль, смутное предчувствие каких-то роковых событий, словно он уходил туда, откуда не возвращаются.

Лучший друг Франческо Вескови проводил его немного верхом.

Цоканье копыт гулко разносилось по пустынным улицам. Светало, город еще спал, но кое-где, на верхних этажах, открывались ставни и из окон выглядывали усталые лица, чтобы лишь на мгновение окинуть безучастным взглядом изумительную картину зарождающегося утра.

Друзья молчали. Дрого пытался представить себе, что это за крепость такая — Бастиани, но безуспешно. Он даже не знал точно ни где она находится, ни сколько до нее ехать. Одни говорили, что верхом туда можно добраться за день, другие полагали, что быстрее, но никто из тех, кого он расспрашивал, судя по всему, сам там не бывал.

У городских ворот Вескови начал оживленно болтать о всяких пустяках, словно Дрого отправлялся на прогулку, а потом вдруг заметил:

— Видишь вон ту зеленую гору? Да-да, ту самую. Видишь строение на самой маковке? Так это и есть часть Крепости, ее передовой редут. Два года назад мы с дядей, помнится, охотились в тех местах.

Они уже выбрались за городскую черту. Потянулись кукурузные поля, луга, красные от осенних листьев рощи. Ехали рядышком по белой, залитой солнцем дороге. Они дружили с детства: много лет были соседями, вместе играли в компании таких же мальчишек и редкий день не видались. Потом семья

Вескови разбогатела, Дрого избрал карьеру офицера, и приятели как-то отделились друг от друга. Беспечная роскошная жизнь, которую вел Вескови, была чужда Дрого: впереди у него неизвестность и важные дела. Джованни казалось, что даже их лошади идут разным шагом: его лошадь перебирала ногами не легко и резво, а как-то тревожно, напряженно, очевидно, даже животное чувствовало, что все теперь будет по-другому.

Дорога шла на подъем. В верхней его точке Дрого оглянулся назад и посмотрел, щурясь от солнца, на город; над крышами поднимались утренние дымки. Вдали он увидел родной дом, различил окно своей комнаты. Все окна там сейчас, наверно, открыты, женщины занимаются уборкой. Разберут его постель, спрячут в шкаф одежду, а потом закроют ставни на засов. Долгие месяцы в комнате никто не заглянет, вездесущая пыль покроет вещи — лишь в солнечные дни туда будут проникать узкие полоски света. Маленький мирок его детства погрузится в темноту. Мать позаботится о том, чтобы оставить все как было до его возвращения, чтобы он после долгого отсутствия мог снова почувствовать себя мальчишкой. Да, она, конечно, надеется сохранить в неприкосновенности счастье, ушедшее навсегда, и сдержать бег времени, ей кажется, будто стоит открыть по возвращении сына окна и двери, как все опять делается таким, как прежде.

Наконец они с Вескови сердечно попрощались, и Дрого один поехал дальше, в сторону гор. Когда он спустился в долину, ведущую к Крепости, сол-

нце уже стояло в зените. Справа, на вершине горы, виднелся редут, на который указал Вескови. Судя по всему, ехать оставалось недолго.

Дрого не терпелось поскорее добраться до места, и, не останавливаясь даже, чтобы поесть, он гнал уставшего коня по дороге, которая забирала все круче между зажимавшими ее отвесными стенками.

Путники стали встречаться совсем редко. Джованни спросил у какого-то возницы, сколько еще ехать до Крепости.

— До крепости? — переспросил тот. — До какой крепости?

— До крепости Бастиани, — ответил Дрого.

— Никакой крепости здесь поблизости нет, — сказал возница. — Никогда о ней даже не слышал.

По-видимому, он плохо знал местность. Дрого снова тронулся в путь.

С приближением вечера на душе у него стало неспокойно. Он оглядывал высоченные крутые склоны по обе стороны долины, надеясь все же увидеть Крепость. Воображение рисовало ему что-то вроде старинного замка с уходящими ввысь стенами. Но время шло, и он все больше убеждался, что Франческо дал ему неверный ориентир; редут, о котором он говорил, скорее всего, давно остался позади. А уже начинало темнеть.

Взгляните-ка на этого Джованни Дрого и на его коня — какие они крошечные на фоне гор, которые становятся все выше, все неприступнее.

Он продолжает подъем, надеясь, пока не стемнело окончательно, добраться до Крепости, но, опережая его, из глубины ущелья, оттуда, где ревет

поток, поднимаются тени и движутся быстрее, чем он. В какой-то момент, когда тени по другую сторону ущелья оказываются на одном уровне с Дрого, создается впечатление, будто они вдруг замедляют свой бег, чтобы не лишать его последней надежды, но потом опять скользят вверх по обрывам и скалистым выступам и накрывают всадника.

Вся лощина была уже заполнена сиреневыми сумерками, лишь поросшие травой гребни на невозможной высоте еще освещало солнце.

Тут перед Дрого вдруг выросла черная на фоне чистого вечернего неба громада военного сооружения, казавшегося очень старым и безлюдным.

У Джованни забилося сердце: наверное, это та самая Крепость, подумал он, но почему-то все вокруг — и сами стены, и пейзаж — выглядело очень уж неприветливо, даже зловеще.

Он стал объезжать крепость в поисках ворот. Хотя уже стемнело, нигде не было видно ни светящегося окна, ни огоньков в караулках на высоких стенах. Только летучая мышь металась на фоне белого облака.

Наконец Дрого решил подать голос:

— Э-ге-ге! Есть здесь кто-нибудь?!

И тогда из густой тени у подножия стены вышел человек — с виду бродяга, нищий с седой бородой и сумой в руке. В полутьме поблескивали белки его глаз, разглядеть что-нибудь еще было трудно. И все же Дрого очень ему обрадовался.

— Кого вы здесь ищете, господин? — спросил тот.

— Мне нужна Крепость. Это она?

— Крепости здесь больше нет, — ответил незнакомец приветливо. — Все заколочено, лет десять, как все ушли.

— А где ж тогда Крепость? — раздраженно спросил Дрого, словно человек этот был перед ним виноват.

— Какая крепость? Может, вон та? — Незнакомец указал рукой вдаль. В узкой щели между двумя ближними скалами, уже окутанными тьмой, за хаотичным нагромождением уходящих ввысь гребней последние закатные лучи солнца, словно развеяв волшебные чары, высветили перед Джованни Дрого голый холм и на его вершине геометрически четкую ломаную линию какого-то странного желтоватого цвета — контуры Крепости.

Ох, как же она была далека! Бог знает сколько часов предстояло до нее добираться, а лошадь уже совсем выбилась из сил. Дрого как замороженный всматривался в даль, спрашивая себя, чем могла привлечь его эта одинокая крепостишка, спрятавшаяся от всего мира? Какие тайны она хранила? Вечер между тем был на исходе. Последний луч солнца медленно скользнул по далекому холму, и фиолетовые тени надвигавшейся ночи стали быстро заглаживать желтые стены бастионов.

Глава II

Темнота настигла его в пути. Долина была узкой, и Крепость скрылась за нависшими над дорогой горами. Нигде не было ни огонька, ночные птицы молчали, лишь изредка до его слуха доносился шум далеких горных потоков.

Он пробовал кричать, но эхо возвращало его голос, придавая ему что-то зловещее. Джованни привязал лошадь к обрубку дерева на краю дороги, где росло немного травы, а сам сел на землю, прислонился спиной к откосу и, ожидая, когда придет сон, стал думать о пути, который ему еще предстоит проделать, о людях, с которыми он познакомится в Крепости, о своей будущей жизни; и думы эти были безрадостны. Лошадь время от времени бухала копытами по земле, и Дрого всякий раз вздрагивал от этого неприятного и странного звука.

На рассвете, вновь пустившись в путь, он увидел на противоположном склоне другую дорогу, тянущуюся примерно на той же высоте, а через некоторое время заметил там какой-то движущийся предмет. Солнце еще не осветило ущелье, и в нем затаились глубокие тени, из-за которых было трудно разглядеть все как следует. Но Дрого, подхлестнув коня, все же поравнялся с непонятной фигурой и увидел, что это верховой офицер.

Наконец-то живая душа, свой человек, с которым можно будет посмеяться, пошутить, поговорить о будущей жизни, об охоте, женщинах, городе. Да, о городе, уже отошедшем в сознании Дрого куда-то далеко-далеко, совсем в другой мир.

Лощина стала уже, обе дороги сблизилась, и Джованни Дрого смог даже разглядеть, что всадник — капитан. Поначалу он не решался окликнуть незнакомца — это могло показаться неуместным и невежливым — и лишь несколько раз поднес руку к козырьку фуражки, но тот не отвечал. Наверно, не видел Дрого.

— Господин капитан! — не выдержав, крикнул Джованни. И снова отдал честь.

— Что такое? — донесся до него голос с другой стороны лощины.

Капитан, остановившись, вежливо откозырял ему и ждал объяснений. В его вопросе не было строгости, одно удивление.

— Что такое? — опять прокатился по лощине голос капитана, на сей раз уже несколько раздраженный.

Джованни остановился, сложил ладони рупором и прокричал что было мочи:

— Ничего! Я просто хотел с вами поздороваться!

Объяснение получилось глупым, даже обидным для капитана, который мог подумать, что его разыгрывают. Дрого тотчас пожалел о своей выходке. В какое дурацкое положение можно себя поставить только из-за того, что тебе скучно одному.

— Вы кто? — прокричал капитан.

Этого вопроса Дрого как раз и боялся. Странная беседа через лощину приобретала таким образом характер какого-то допроса. Неприятное начало, ибо, скорее всего, капитан был из Крепости. Но теперь — деваться некуда — нужно было отвечать.

— Лейтенант Дрого! — громко отрекомендовался Джованни.

Капитан не знал его и на таком расстоянии мог не слышать имя, но, судя по всему, ответ его успокоил, поскольку он снова тронулся в путь, согласен кивнув, словно говоря: скоро встретимся. И действительно, через полчаса в том месте, где лощина становилась совсем узкой, Джованни увидел мост: две дороги сливались в одну.